

ГУРКИН В.А.

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ ГЛАЗАМИ
КАРТОГРАФОВ XVII – XVIII ВЕКОВ

История русской колонизации Среднего Поволжья вплоть до настоящего времени имеет еще множество «белых пятен», что объясняется несколькими причинами. Во-первых, огромное количество древних документов погибло при пожаре бывшего Приказа Казанского Дворца в начале XVIII в. Во-вторых, общей причиной слабого изучения многих внутренних регионов России было стремление академической науки XVIII – XIX вв. исследовать в первую очередь вновь присоединенные территории растущей Российской империи, тогда как внутренние районы преимущественно изучались региональными научными сообществами и различными государственными ведомствами: с 30-х годов XIX в. этим стали заниматься губернские статистические комитеты, с 1845 г. К этому процессу подключилось Русское географическое общество и его члены на местах, с 1884 г. начинают действовать губернские ученые архивные комиссии, затем краеведческие и естественноисторические музеи и местные научные общества по изучению того или иного края. В результате такого «плюрализма» подходов, источники по истории освоения многих российских регионов оказались рассеяны по центральным и провинциальным архивохранилищам, где сосредоточены в самых разнообразных фондах (как государственных и общественных учреждений, так и частных лиц).

Среди прочих исторических документов старые карты имеют особую значимость, поскольку способны пролить свет на такие вопросы, которые невозможно решить лишь на основе текстовых описаний. Однако при работе с картографическими архивными материалами перед исследователями возникает ряд дополнительных сложностей, одной из которых является преувеличенное стремление чиновников к видимости «безопасности», зачастую выходящее за рамки здравого смысла.

Так, например, по причине «секретности» долгие годы были закрыты для свободного доступа крупномасштабные топографические карты XIX – начала XX вв. в фондах многих региональных архивов. Только после прямого обращения к руководству Росархива в 2000 году, нам удалось добиться разрешения на рассекречивание целого фонда картографических материалов XVIII – начала XX вв., включающего в себя 256 единиц хранения, в Государственном архиве Ульяновской области (фонд 933). Судя по описи, все материалы фонда оказались засекреченными 30 мая 1963 г. Трудно объяснить логику людей, переводивших весь этот фонд на секретное хранение, поскольку недоступными для большинства читателей на долгие годы оказались такие материалы, которые не могли представлять какой-либо угрозы для безопасности СССР. Например, оказались засекречены: «Комплект географических схем между Алатырской, Буинской, Симбирской, Тагайской округами Симбирского наместничества», установленные комиссией 1782 г. (!) (М: в 1 дюйме – 7 верст); «Карта лесов Симбирского удельного имения по Симбирской и Пензенской губернии, с показаниями казенного и частновладельческих лесов. 1885 г.» (М: 1:33600); «Карта рыбных ловов 18-го Новодевичьего округа (в районе г. Сенгилей) Симбирского удельного имения (между 1836 и 1895 гг.)» (М: 1 дюйме – 2 версты); «Карта средней урожайности ржи (по данным Менде (1) Сенгилеевского уезда Симбирской губернии» (М: 1:168000) и т.д.

Некоторые материалы – такие, как «Подробная карта Трансвааля и Оранжевой республики 1900 г.» (М: 1:2520000); «Физическая карта Российской империи» (М:

1:4200000); «Карта населенных мест Европы» (М: 1:4200000), – оказались закрыты лишь потому, что в свое время были включены в опись, большинство документов которой были засекречено, а потому и сама опись стала недоступной для обычного читателя (без специального допуска).

На наш взгляд, наиболее интересными картами этого фонда являются следующие:

- Карты дорог: «Карта (план) Симбирска и больших столбовых дорог с стоящими на них селениями. 1830 г.» (М: в 1 дюйме – 4 версты), «Схематическая карта почтовой, скотопрогонной и коммерческой дорог через Сенгилеевский уезд из Симбирска в Оренбург. 1851 г.» (М: в 1 дюйме – 500 саженей), «Карта железнодорожных, шоссейных и водных путей сообщения Европейской России. Издание МПС, 1899 г.» (М: в 1 дюйме – 60 верст), «Специальная топографическая карта населенных мест Симбирской и Нижегородской губернии с обозначением проекта ж.д. пути от г. Симбирска до Н. Новгорода через Алатырь» Без даты (М: 1:420000);
- «Топографический межевой атлас Симбирской губернии 1859 г. Составлен чинами межевого корпуса под руководством Генерального штаба генерала Менде в Москве» (М: 1:84000 (2))
- Карты регионов России: «Карта Нижегородской губернии с планом города. 1861 г. (М: 1:64000), «Карта урожайности трав волостей Пермской губернии. 1905 г.» (М: в 1 дюйме – 20 верст) и др.;
- Карты лесов: «Геометрическая карта Симбирской губернии 10 уездов с указанием лесов казенного и других владений. 1815 г.» (М: в 1 дюйме – 8 верст), «Геометрическая карта Симбирской губернии с нанесением селений служилых татар и корабельных лесов. 1818 г.» (М: в 1 дюйме – 32 версты), «Карта лесов Министерства государственных имуществ по Симбирской губернии» (М: 1:168000) и мн. др.
- Экономические карты: «Карта Сызранского, Сенгилеевского и Карсунского уездов Симбирской губернии с обозначением мельниц», «Карта базаров и их доходности Симбирской губернии» (М: 1:840000) и т.п.

Итак, попробуем оценить тот факт, что в течение почти сорока лет перечисленные картографические материалы были изъяты из научного оборота местных исследователей и краеведов. Действительно, было ли оправданным с какой-либо точки зрения засекречивание этих документов?

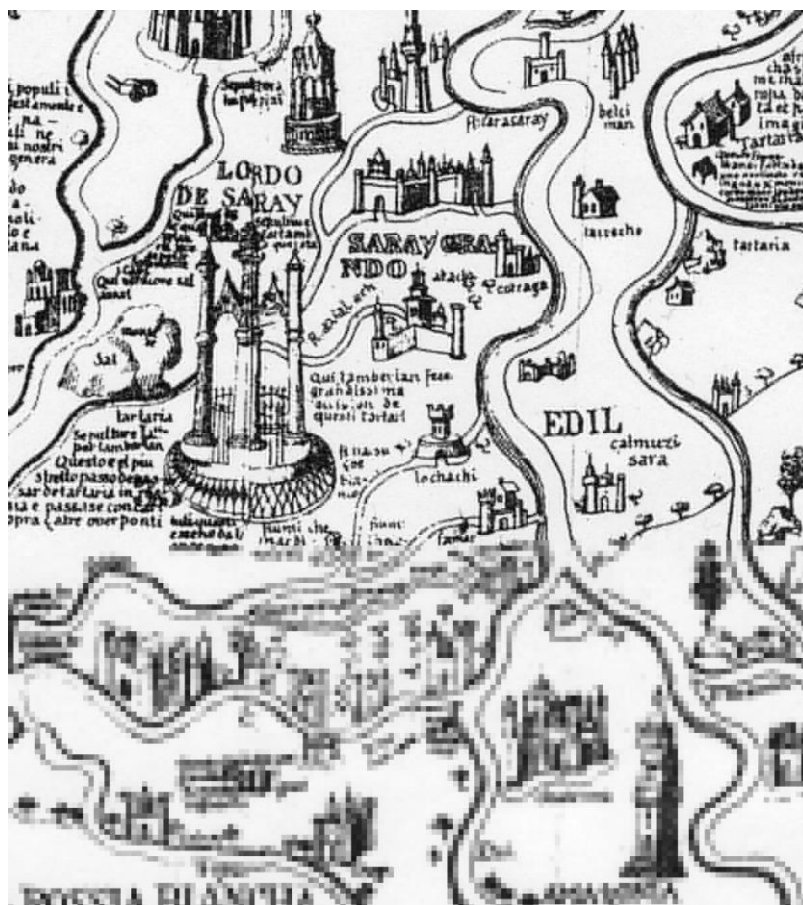
Очевидно, что подобные меры предосторожности были непродуманными и мягко говоря, безграмотными. Предположим, что авторы приказа о засекречивании действительно хотели закрыть для вражеских спецслужб информацию о территории страны. Однако, результатом стало лишь ограничение доступа к этим материалам местных исследователей и изъятие из научного оборота трудов десятков и сотен предшественников, собиравших эти данные для понимания собственной страны. Чиновник, закрывавший доступ к архивным материалам, по-видимому, не знал, что

карты А.И. Менде по целому ряду губерний были опубликованы еще в середине прошлого века и все эти годы находились в открытом доступе в крупных библиотеках страны. Не говоря уже о том, что эти печатные материалы существовали и в ряде зарубежных библиотек. Кроме того, задолго до засекречивания топографических карт в нашей стране, они уже были хорошо известны за рубежом (в частности, крупномасштабные карты Генерального штаба Красной Армии, попавшие в качестве военных трофеев немцам после взятия Минска, где находилась крупнейшая картографическая фабрика). Конечно, не следует забывать и о том, что карты, созданные даже в XIX веке (не говоря уже о картах XVIII века), уступают на порядок по своей точности картам, созданным с помощью современной авиационной и космической техники.

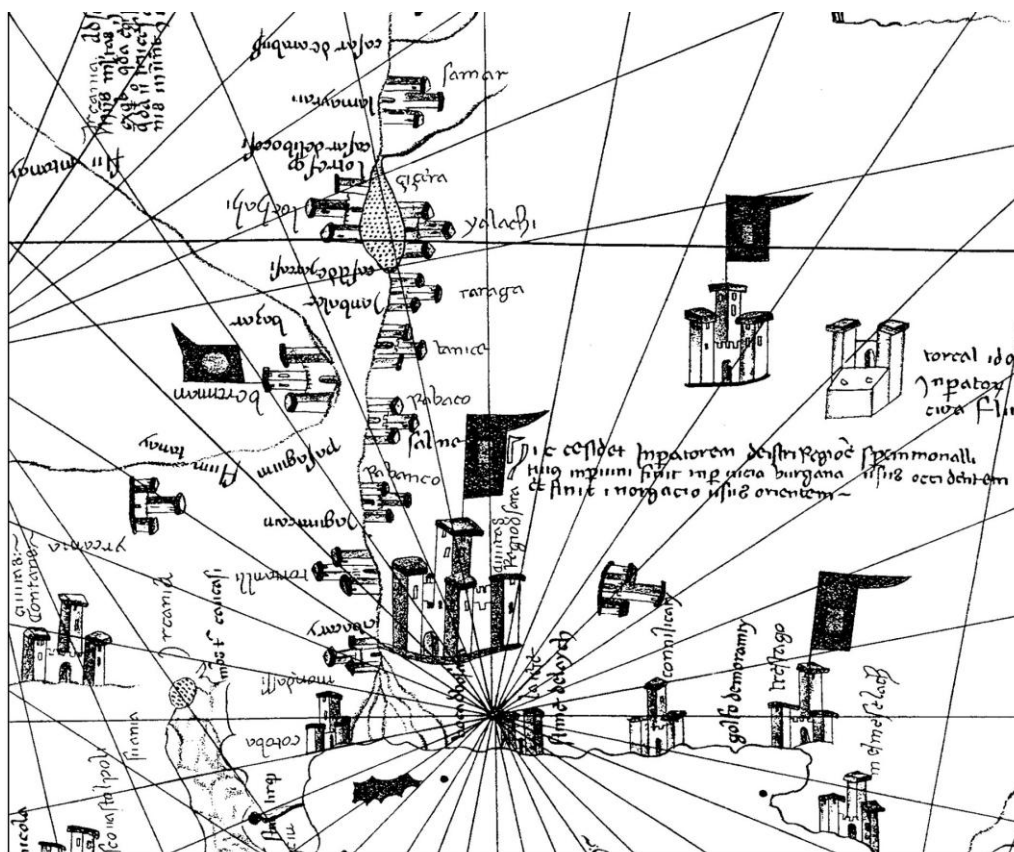
Перейдем теперь к обзору истории появления крупномасштабных карт Среднего Поволжья XVII – XVIII вв.

Картография XVII века

Несмотря на то, что первые географические карты территории Поволжья возникли еще в глубокой древности, однако, вплоть до XVII века эти изображения оставались несовершенными, поскольку многие из них (даже такие известные как карты Фра Мауро, Пицигани и др.) использовали в качестве основы текстовые описания путешественников.

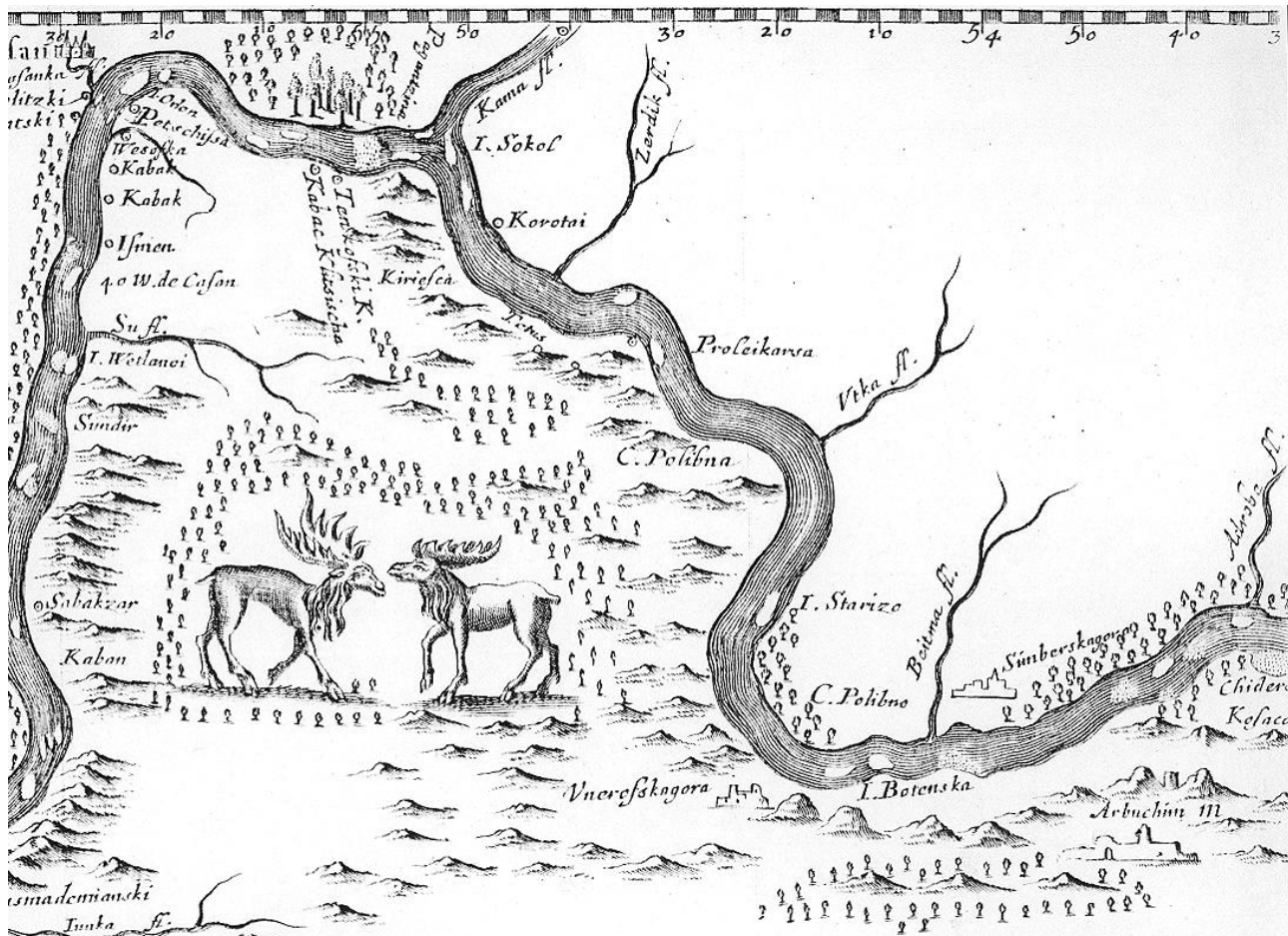

Поволжье по карте Фра Мауро

Поволжье по карте Пицигани 1367г.

Поэтому можно утверждать, что первое инструментальное исследование берегов Волги было осуществлено немецким ученым и дипломатом Адамом Олеарием (3), путешествовавшим по Волге в 1636 г. Известно, что Олеарий использовал геодезические инструменты – в частности, определял широту места с помощью астролябии. Действительно, карта «течения реки Волги», представленная впервые в парижском издании описания путешествия Олеария в 1659 г. отличается от всех известных карт того времени своей детальностью. Однако сопоставление текста Олеария с картой приводит к ряду вопросов. Так, например, Олеарий указывает в своем описании, что золотоордынский город «Симбирская гора», разрушенный Тамерланом, остался от них справа по течению Волги. Олеарий даже зарисовывает руины этого города. В то же время на карте изображение города оказывается на левой стороне реки. Есть и другие расхождения между текстом и картой, которые позволяют усомниться в том, что автором карты, приведенной в парижском издании, был сам Олеарий. Возможно, что Олеарий использовал в качестве основы какой-то неизвестный нам русский источник. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что в рукописном альбоме шведского исследователя Эрика Пальмквиста (4) (опубликованном небольшим тиражом в 1898 г.), представлена аналогичная карта того же времени, без указания источника.

Карта течения реки Волги Олеария

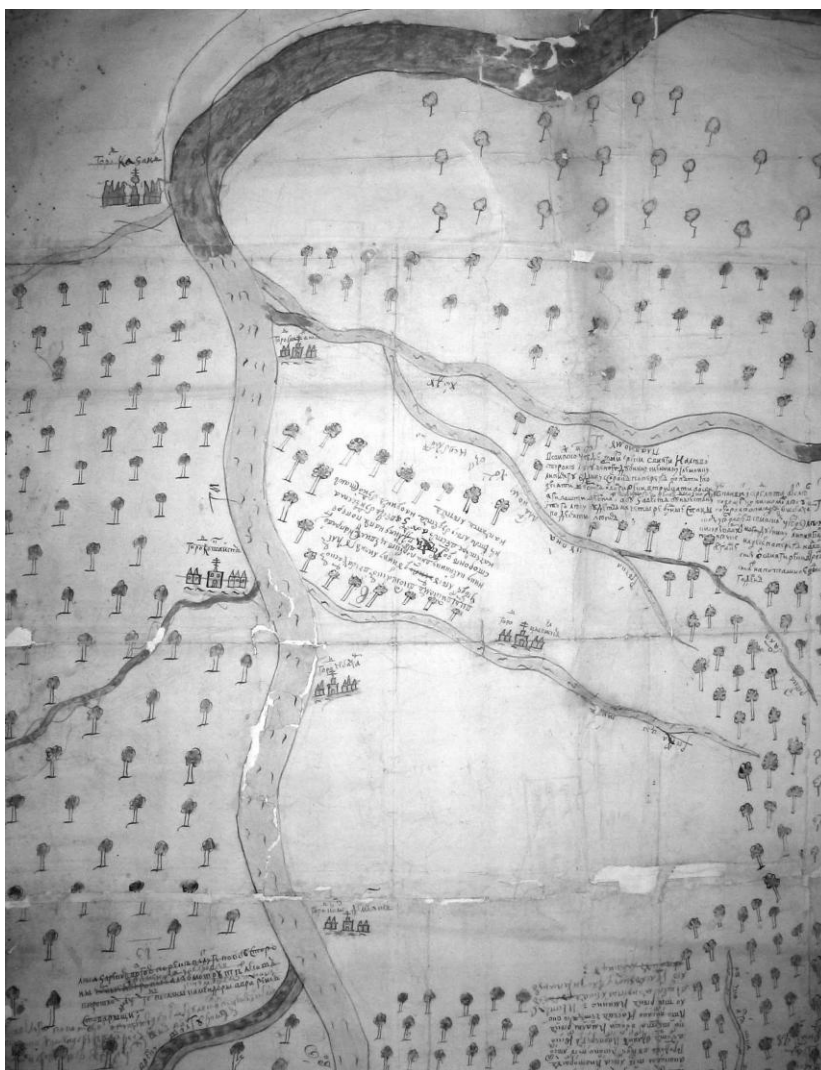

Аналогичная карта Эрика Пальмквиста

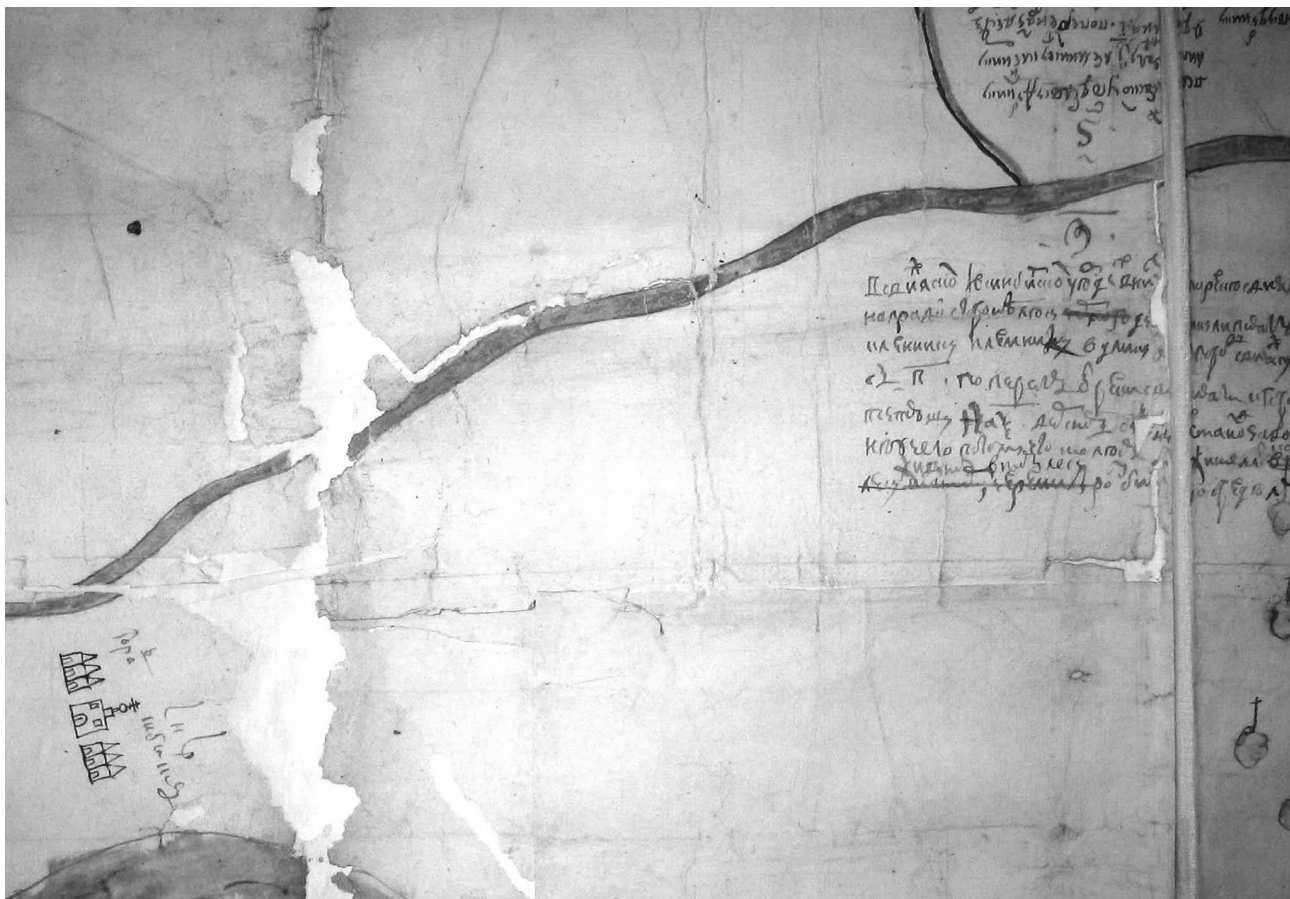
Надо отметить, что в Европе в XVII в. распространены еще несколько карт Европейской России, среди которых широко известна карта Николая Витзена (5). Однако все они, включая витзеновскую, уступают по степени детализации карте Олеария и Пальмквиста.

Русская картография конца XVII века оставила нам еще несколько карт Поволжья. Первая из них - «Чертеж городам, лежащим по рекам Дону, Оке и Волге от Москвы до Астрахани», созданный в связи с Азовским походом Петра (6). Легко можно видеть, что русская военная карта, нарисованная без масштаба и градусной сетки, изображает русло Волги упрощенно. Следует, однако, учитывать, что задачи этой карты иные, чем у карты Олеария. Скорее ее можно рассматривать в качестве военно-путевой схемы, где указывается время, необходимое для перехода: «с Волуйки до Черкасской скорою ездою 7 дней», «с Тамбова на Дон шлях Хованского шли 6 недель», «от Тамбова до Царицына скорою ездою 10 дней» и т.д.

В эту же группу источников по истории изучения Среднего Поволжья можно отнести карты экспедиций, по описанию лесов, целью которых был поиск мест для устройства «будных» станов (7). Таким примером могут служить рукописные многоцветные карты Свияжского и Симбирского уездов Казанской губернии 1700 года, без сетки координат (это два чертежа, один из которых является копией (8)– «Леса в Курмышском, в Ядринском, в Кузьмодемьяновском, в Цивильском, в Кокшайском, в Чебоксарском, в Свияжском, в Симбирском, в Алатырском, в Саранском уездах, по реке Суре и по реке Свияге, по обе стороны тех рек и по иным рекам и малым речкам, которые леса досматриваны в прошлом 1700 году». Даны указания размеров лесных массивов «в длину» и «поперек», а также характеристики пород леса.

Карта лесов в Кокшайском уезде

Карта лесов Синбирского уезда

Исследования территории Поволжья по заказу А.Д. Меншикова

В первой половине XVIII века был подготовлен комплект крупномасштабных карт (9), созданных Алексеем Изволовым в 1717 году, где изображен район Волги от Белого Яра (ниже Симбирска) до Самарской Луки (Здесь представлены карты Усоля, Сенгилея, Ерыклинска, Мазы, Мулловки, Резанова).

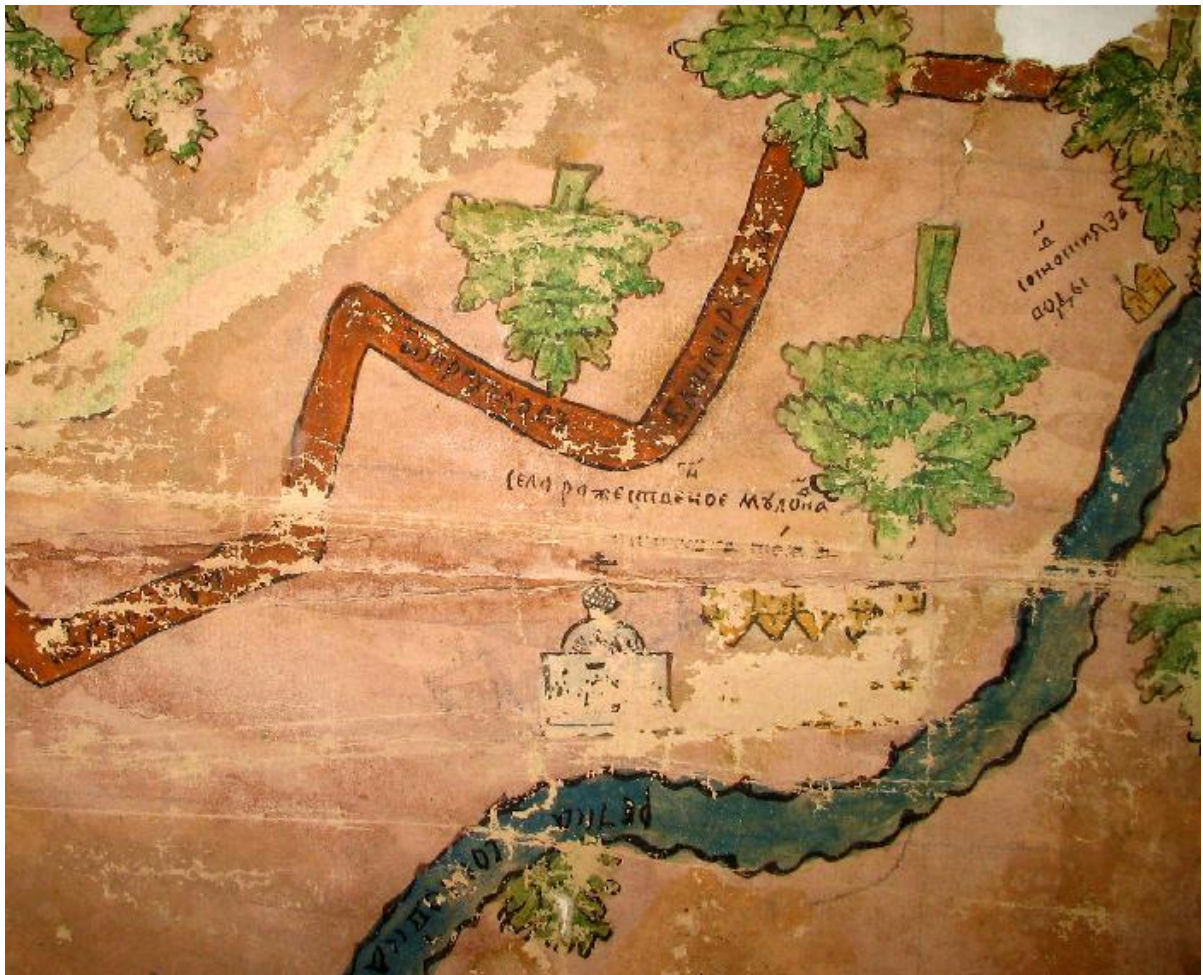
Карта Усоля

Карта Ерыклинска

Карта Мазы

Карта Мулловки

Карта Резанова

О личности картографа Изволова почти ничего неизвестно. С какой целью он проводил эти съемки мы точно не знаем, однако на этот счет можно строить предположения на основе той информации, которая сохранилась по истории календарей в петровское время. Оказывается, что Алексей Изволов был автором одного из первых отечественных астрономических календарей, сохранившегося в рукописном виде. П. Пекарский приводит текст обращения А. Изволова к Меншикову от 25 декабря 1719 г. по поводу составления им календаря: «я, всенижайший ваш раб, был в европейских краях для обучения разных тамошних наук, а наипаче мореплавания или навигации и астрономии, или небесного течения, в чем свидетельство и на письмах имею. Чрез которых свои науки ныне восприяв усердие, со всенижайшей моею покорностию, дерзнул написать сие малое мое вашей милости приношение, т.е. календарь на предбудущий 1720 год, учиненный по меридиану и широте царствующаго сего Санктпетербурха». Нужно иметь в виду, что в то время главным недостатком отечественных переводных календарей было простое копирование с западноевропейских, которые «сочиняются не по санктпетербурхскому меридиану и ширине, но по тамошним градусом, того ради и мыслию касаюся, что оные здесь не весьма верны». Кроме того в календаре Изволова приведены таблицы восхода и захода солнца на будущий год (т.е. на 1721) с указанием широты места: «В сих таблицах обретается на всяком листу по 9 столбцов, из которых первый показывает высоту полюса или широту места, начинающийся от экватора и восходящий до 60 градусов, прочих же 8 столбцов показывают сверху склонение солнца от экватора, начинающийся в 30 минут...» (10). Приведенный отрывок свидетельствует о том, что Изволов, безусловно, имел достаточно опыта и знаний для составления точной карты указанной местности, несмотря на то что на самой карте не указаны ни масштаб, ни градусная сетка.

Можно предположить, что А.Д. Меншиков заказал эту карту Изволову для личных целей, поскольку в начале XVIII века он стал владельцем обширных земель в регионе (в частности, к нему отошли владения Савино-Сторожевского монастыря в Надеином Усолье (11). Об этом может косвенно говорить и попытка организации Меншиковым геологических исследований территории Казанской губернии силами местных чиновников и военных в 1717 г., т.е. в тот же год, когда проводилась съемка Изволова (12).

В этой «военно-административной» геологической экспедиции много странного. Во-первых, материал собирался без разбора, во-вторых, нет никакого упоминания о том, что в экспедиции должны участвовать специалисты по разведке полезных ископаемых («рудознатцы» и т.п.). Другими словами, тот, кто производил сбор образцов, мог не никакого иметь представления о том, что это за материал, каковы его полезные свойства и т.д. Причем в результате этой экспедиции собрано было достаточно много различных образцов геологических пород – «25 мешков». Остается только гадать, какими критериями руководствовались солдаты городских гарнизонов при сборе требуемого геологического материала. Однако приказ был выполнен: усилиями военных было собрано по разным рекам несколько подвод камней («камышки и раковины» из Чебоксар, Саратова, Сызрани, Симбирска, Самары, Уфы, и Уржума) и отправлено в столицу: «И те камышки и раковины в 25 мешках с надписанными ярлыками посланы из Казани в Санкт Петербург... Петр

Салтыков, 24 июля 1717 г.». 11 октября специальный курьер Кузьма Ефимов сообщал, что «те камешки и раковины ис Казани привез» и доставил по месту назначения (13). Что было с этими 25 мешками камней в дальнейшем? Какого характера были указанные образцы? Увы, ответа нет, поскольку следы этой первой «военно-геологической экспедиции» теряются после того, как мешки с «камышками» сгрузили во дворе санкт-петербургского губернатора.

Возможно объяснение этой необычной геологической экспедиции кроется в нехватке специалистов по геологии, а потому было решено произвести сбор полевого материала на месте, «на удачу», чтобы в дальнейшем, в столице, квалифицированно во всем разобраться. Но возможно и другое объяснение. Очевидно, целью экспедиции, организованной по личной инициативе А.Д. Меншикова, были «инвентаризация» и приблизительная оценка природных богатств Поволжья. К этому времени Меншиков уже был крупным землевладельцем и продолжал приобретать новые территории в том же регионе. В таком случае, меншиковская инициатива предваряла другую инициативу – по созданию государственной Берг-Коллегии (открыта в следующем, 1718 г.), которая должна была собирать сведения о полезных ископаемых по всей территории России. Вслед за учреждением Коллегии в 1719 г. был издан закон о горных привилегиях. Согласно закону владельцы земель, где будет найдено что-либо полезное для государства, не имели права задерживать поисковые работы других лиц, о которых в законе было сказано так: «каждому дается воля, какого б чина и достоинства не был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях, искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, тако ж и минералы, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок потребные земли и каменя». Лица, утаившие находку месторождений, подлежали суровым наказаниям. В связи с этим можно предположить, что Меншиков, в силу своего положения в правительстве, мог быть знаком с проектом закона «о горных привилегиях». А значит, он мог попытаться воспользоваться правом собственника еще до того, как закон вступит в силу, чтобы знать какие земли стоит оставить, а какие можно продавать. А потому он и не хотел, до поры – до времени, афишировать результаты исследования.

Если это так и наше предположение верно, то это типичный пример того, как частная инициатива промышленника и землепользователя, имеющего доступ к власти, приводила к осуществлению научных исследований. Главным недостатком такого рода исследований было и остается то, что полученные результаты, будучи известны ограниченному кругу лиц (заказчику), не вводятся, как правило, в научный оборот. А значит, сохраняется необходимость проведения научных исследований того или иного региона, как будто ничего до этого не производилось. А поскольку, обмена данными между разными ведомствами почти не существовало, то и неудивительно, что через относительно небольшой срок требовалось проводить точно такие же исследования вновь. Абсурдность ситуации отмечали лишь ученые. Так, еще в конце XVIII в. Людвиг Бакмейстер с горечью заключал: «И не удивительно, что Российская Империя не имеет еще своей географии, т.е. точного, подробного, а наипаче полного себя самой описания» (14). И такие «разрывы» научной преемственности в российской культуре довольно часто встречаются, когда

одни и те же исследования либо проводятся разными ведомствами параллельно друг другу, либо просто остаются недоступными для широкой научной общественности, вынуждая научное сообщество вновь искать и затрачивать не столь обильные материальные ресурсы для ликвидации «белых пятен» на карте страны.

Исследования Поволжья под руководством И. Кирилова и В. Татищева

По времени создания к изволовской карте близка карта участка Волги от Симбирска до Саратова, относящаяся к первой четверти XVIII в. Эта карта была упомянута Иваном Кириловым в «Реестре карт, препровожденным в Академию Наук для составления атласа Российской Империи» 24 декабря 1726 года под № 56 «Ландкарты провинциальные Астраханской губернии – Синбирская и Саратовская»(15). Оригинал карты и ее более поздняя копия хранятся в рукописном отделе БАН. Одно из первых ее описаний мы встречаем в статье Бориса Владимировича Александрова, заведовавшего Отделом рукописной книги БАН до войны.(16)

«284. “Territoire de Simbirsck et de Saratow”. Карта Симбирского и Саратовского уездов. 1-я пол. XVIII в. Дан бассейн Волги от Саратова до д. Сосновки (17). Показаны: Волга и более крупные притоки с соблюдением масштаба и точности в извилинах, остальные притоки – произвольно; дороги пунктиром, леса деревцами, населенные пункты двумя знаками, М: 12 верст в 1 дюйме (1: 504 000), градусная сетка через 10'; долгота от условного меридиана, проходящего на 37 градусов 25'западнее Саратова; проекция коническая, рельеф холмиками. На обороте “Partie du Kasan et de la province de Symbirsk, de meme que le Territoire d'Astrachan” (18).

285. “Territoire de Simbirsk” Копия карты № 284» (19).

Следующими по времени крупномасштабными картами этой территории, по всей видимости, являются карты, которые были подготовлены по указанию В.Н. Татищева. Известно, что Татищев поручил английскому офицеру Эльтону составить подробную карту Волги на отрезке от Царицына до Симбирска, однако англичанин успел сделать съемки только до Сызрани, где заболел. Поэтому на следующий год над картой продолжали работать русские геодезисты. Вот как сам Татищев описывает данную ситуацию в письме в Академию наук от 16 октября 1737 г.:

«Промемория от тайного советника Татисчева в императорскую Академию наук.

По присланному Е.И.В. из высочайшаго Кабинета указу собрал я; здесь все сочиненные российских провинций ландкарты и журналы геодезиские, которых из ландкарт 18, журналов 4, но ни единого правильна сочиненного нет; особливо здешнюю, хотя много трудились, да не от прилежности и недостатка инструментов, а паче, что порядочной и обстоятельных на их недовольное искусство инструкций не имели. Особенно кривизна Волги против здешнего места, которое по великости ея весьма примечания достойно, что от села Найдenna Усолья Синбирского уезда до села Переволоки Сызранского уезда сухим путем 18, а водою по Волга более 200 верст оное было, и другие многие обстоятельства не примечены или неправильно в

мере положены. Для которого отправил капитана Эльтона, чтоб реку Волгу от Царицына вверх до Синбирска оккуратно обсервал и на карту положил, которой до Сызрана возвратился и тут жестоко занемог. И хотя я намерен был ныне всех обретающихся геодезистов по правинциям разослать, но к тому инструкции обстоятельной не сочинено, и инструментов нужных нет. Разумея, что труд и убыток будет напрасной, послал только в Сибирь пять человек, да в Казанскую, Симбирскую и Вятскую трех.

Того ради Академии наук почтенно представляю, чтоб благоволено было: 1) генеральную и достаточную инструкцию геодезистам сочинить, в которой господа профессора Делиль и Фаргельсон могут наибольшее учинить, ибо надлежит все к примечанию нужные при обсервациях латитуда и лангитуда и при мерении по земле обстоятельства внести, а при том табели деклинаций, рефракций и прочее, с довольными ко употреблению изъяснениям. А в сочинении на бумаге ландкарт, а паче о границах того уезда, о горах, лесах, реках и прочем, внятно им описать и оные напечатать. А что я в краткости для памяти о том, також для описания иноязычных народов написал, оное при сем сообщаю.

1) Инструментов ныне вскоре потребно: одну трубу 12 футов, другой шти или семи футов и 2 пендула хорошей работы; один квадрант, не очень малой, с перспективом, чтоб его обороты и все движения были на бесконечных счурупах, как мне господин Брадле с образца графа Брюса делал; да впредь таких инструментов ко усмотрению долготы, тубусов, и пр., хотя в губернию по одному, и прочее; да для усмотрения широты квадрантов против вышеобъявленного в каждую провинцию по одному, или на две провинции одно. И оное мнится выписать из Англии или Голландии» (20).

Все эти карты, созданные под руководством В. Татищева, хранятся в рукописном отделе БАН. Приведем выдержки из описания этих карт Б.В. Александрова:

«697. “ Cours de la riviere de Volga depuis Sisran jusqu'a Zaricin, dresse par mons. le capitaine Elton en 1737”. Карта течения реки Волги от Сызрани до Царицына. Сост. капитаном Эльтоном в 1737 г. Показаны притоки Волги, возвышенности по правому берегу и населенные пункты, расположенные у ее русла. М. [1:1 260 000]; без градусной сетки; рельеф холмиками. Бумага писчая; разм. 32 X 36 (34 X 35); 1 л.; обводка тушью.

698. “Ланткарта нагорной стороны реки Волги от села Рождественского до села ж Мардова облежащим селам и деревням, о чем значит при сей ландкарте. Сочинял геодезист Иван Шишков 1738 году”. У ряда деревень Саввина Сторожевского монастыря поставлен знак вопроса и добавлено: «которые бывали за бывшем князем Меншиковым». М.З в. в 1 дм 1:126 000; градусная сетка через 15', долгота от г. Самары; проекция цилиндрическая; рельеф холмиками. Бумага писчая, накл. на плотную бумагу; разм. 48 X 64 (52 X 69); и л.; в 3 кр. Также см. №№ 699, 700 и 701, являющиеся копиями этой карты.

702. “Ландкарта реке Волге от Синбирска до Сызрана и рек Черемшана, Кандурчи, Сока и всея Закамской линии и реки Усы. Сочинена Самаре 3 генваря

1739 году. На подлинной геодезист Федор Аринкин. Копировал студент Семен Старков”. М. 1: 420 000; градусная сетка через 30', долгота от Самары; проекция коническая; рельеф холмиками. Бумага писчая; разм. 44 X 49 (47 X 54); 1 л.; в 3 кр. На обор.: “ La riviere de Volga depuis Sinbirsck jusqu'a Sysran, faite par le geod. Fed. Arinkin a Samara, copie par l'etud. Kowrin. Territoire de Samara, copie de Tatischeffj ”(21).

703. “Ландкарта реке Волге от Синбирска до Сызрана и реке Черемшана, Кандурчи и Сока и всея Закамской линии и реки Усы. Сочинена в Самаре генваря 1739 года. На подлинной геодезист Федор Аринкин. Увеличивал ученик] С. Бородулин”. 1-я пол. XVIII в.

Даны: русло Волги и ее бассейн на данном отрезке; показаны населенные пункты и линии укреплений. М. 10 в. в 1 дм. [1:420 000]; градусная сетка через 30', долгота от Самары; проекция коническая; рельеф холмиками. Бумага александрийская; разм. 42 X 63 (54 X 75); 1 л» обводка тушью (22).

704. “Ландкарта течения реки Волги близ г. Самары”. 2-я четв. XVIII в. М. 1 в. в 1 дм [1: 42000]; без градусной сетки; в прямоугольных координатах. Бумага александрийская; разм. 48 X 71 (50 X 74); 1 л.; в 2 кр. На обор.: “ Cours de la riviere de Volga aux environs de Samara”».

Межевые карты

Серьезный вклад в развитие крупномасштабной картографии по различным регионам России внесла работа по генеральному межеванию, предпринятому по указу Екатерины II (1766 г.). Многие из этих межевых карт хранятся в областных архивах. Так, например, в фондах Государственного архива Ульяновской области (ГАУО) есть несколько цветных планов побережья Волги того времени. Наиболее ранний из них, где изображено русло Волги и Атрубы, относится к 1780 г.: «План села Архангельского, Мордово тож. Масштаб к плану в аглинском дюйме сто сажень» (23). На другой межевой карте изображена территория правобережья Волги (между селами Ключищи и Буртасы Свияжского уезда) на протяжении около 40 км: «Геометрический уменьшенный план Казанского наместничества Свияжской округи с. Теньковки с селы именуемые Шелангой, Ташевкой, Ключищами и др.» 1792 г. (М: в 1 дюйме – 1 верста (24).

Каждая из этих карт является важным источником не только физико-географических, но и исторических данных. Так, на последней карте приводятся в экспликации сведения о владельцах всех сел («во владении состоят покойного генерал-аншефа действительного статского камергера и разных орденов кавалера Семена Кириловича Нарышкина супруги ево вдовы Марии Павловны»), о геодезистах («межевания учиненного в 1789 году октября 22 дня ... землемером прапорщиком Семеном Шестаковым») и о крестьянах («а всего во всех селлах и деревнях 1445 дворов, в них мужеску полу 3991, женскаго 4589 душ»). На третьей карте (1794 г.), составленной тем же Семеном Шестаковым, мы можем проследить и профессиональный рост исполнителя карты, который к тому времени уже получил

звание «первоклассного Землемера и подпоручика». Это карта изображает также территорию правобережья Волги, только уже относящуюся к Симбирскому наместничеству «оного же округа селу Богородскому, Беденьга тож, с принадлежащими к нему всеми землями которые во владение состоит бригадира Николая Сергеевича Сафонова» (25).

Необходимо отметить, что на всех перечисленных межевых картах указаны азимуты на всех поворотах границ измеряемого участка, а вдоль неудобных мест (например, вдоль обрыва) для прямого измерения проведены профили с точным указанием расстояния от профиля до обрыва. Как правило, на межевых картах присутствуют имена и росписи как свидетелей из соседних сел, так и подписи всех руководителей межевого ведомства на местах. Кроме того, в случае расхождения количества жителей с данными последней ревизии, дается необходимая поправка. Так, в плане владений села Беденьга указано: «по последним данным из 4-й ревизии скасам состоит 116 дворов в них мужеска полу 317 душ, женска 293 души, а ныне налицо мужеска полу 344, женска 404». Таким образом, карты могут выступать как важный исторический источник.

Экспедиция А.И. Свечина

Во второй половине XVIII в., начиная со времени царствования Екатерины II, происходит интенсификация исследований Среднего Поволжья. Во многом это связано с интересом молодой императрицы к своей стране, которую она пыталась просветить в соответствии с европейскими идеями. Именно ей мы обязаны тем, что были организованы физические экспедиции Академии Наук под руководством П.С. Палласа, И.И. Лепехина и И.П. Фалька, которые исследовали Среднее Поволжье в 1768 – 1769 гг. Но кроме этих широко известных экспедиций (отчеты которых давно уже стали библиографической редкостью (26), существовали и несколько других. Результаты этих экспедиций малоизвестны, причем, например, дневники и рукописи директора ботанического сада в Москве Трауготта Гербера, совершившего в 1741 – 1742 гг. ботаническую экспедицию в Поволжье (27) не были ни разу опубликованы; а описания, сделанные полковником А.И. Свечиным, направленным для составления описи корабельных лесов и населенных мест в Нижегородскую, Казанскую и Оренбургскую губернии в 1763 – 1766 гг., публиковались частично (28).

Свечинская экспедиция оставила значительный след в истории изучения Среднего Поволжья. Первоначально (1762 г., ноябрь) предполагалось, что эту экспедицию «для осмотра и описанию в Казанской губернии дубовых лесов» возглавит статский советник Швебс, однако, Швебс по неизвестным причинам отказался от данного поручения и в феврале 1763 г. появляется указ о «посылке в Казанскую губернию на место статского советника Швебса, находящегося не у дел подполковника Свечина и о даче ему из Сената инструкции тако ж и о чинении Казанской, Нижегородской и Оренбургской губерниям и Казанской адмиралтейской конторе по требованию ево исполна и вспоможении и о даче от Казанской адмиралтейской конторы канцелярских служителей, прогонных денег, бумаг и прочих материалов» (29).

Свечин в ходе экспедиции неоднократно сталкивался с самыми неожиданными трудностями. Так, в Казанской канцелярии, куда он обратился с запросом о картах корабельных лесов, ему ответили, что у них имеются последние описи годных на корабельное строение лесов лишь за 1729 г., несмотря на то, что «...в рассуждении об врежении лесов 1732 году генеральной инструкцией ... повелено, что за имеющимися вальтмейстерами (т.е. лесничими – В.Г.) иметь смотрение губернаторам и воеводам... а оные сменяясь один за другими, имея планы и общие подавали репорты» (30). Неизвестно, на чем основывались отчеты губернаторов и воевод, так как выяснилось, что еще в 1742 г. посылали в Казань команду геодезистов для составления новых описей и планов, однако и двадцать лет спустя «еще тех описей ими и поныне не учинено» (31).

Неудивительно, что на местах, где Свечина должны были ожидать вальтмейстеры, чтобы сопровождать по лесам своих районов, лесничих почти не оказывалось. Так было в Алатыре, где должен был его ждать вальтмейстер Яков Бурцов, однако тот сказался больным и как докладывает Свечин «при показке лесов ему быть никак невозможно, к тому ж дубовым лесам планов и описей у него не имеется». В Пензе ему показали леса вверх по Суре на 100 верст, однако «в протчих дистанциях те вальтмейстеры ни один не явились». Поэтому в большинстве случаев Свечин проводил осмотр лично и оказалось, что «где объявлены были леса годные, в тех лесах явились негодные, в протчих же и лесов ничего не явилось, а имеются степные места, почему сверх чаяния в иных местах за неимением лесов принужден был ездить пробираясь не только полями, но и самыми степями» (32).

В ходе экспедиции был подготовлен комплект карт лесов, обнаруженный нами в составе рукописного атласа (33) среди материалов чертежной Адмиралтейства. Открывает этот комплект общая карта: «Лант Карта Казанской, Нижегородской, и Оренбургской губерниев, содержит часть реки Волги и впадающую в нее реку Суру, в которой означены подчищенные дубовых рощи и протчия дикия леса, и сколько в которой роще по щету находится дубков под разными номерами как о том значитя в экспликаци. Сочиненная господином подполковником Александром Свечиным, и геодезии капитаном Кушниковым в 765 году» (34). Это рукописная многоцветная карта на одном листе, размер 95 x 95 см, масштаб: 1 см – 4,44 км. На карту нанесены территории: «Кокшайского, Цивильского, Козмодемьянского, Чебоксарского, Свияжского, Курмышского, Алатырского, Саранского, Пензенского, Петрушинского (г. Петровск) и Синбирского уездов», где красными чернилами обозначены точки лесных массивов, обследованных свечинской экспедицией. К сожалению, эта найденная карта не подлинник, а копия, созданная при составлении данного атласа (об этом говорят как многочисленные ошибки переписчика в географических названиях, так и водяные знаки фирмы Hoonig Zoopen, относящиеся к 1780-м г.).

Далее в атласе (л.35 – 42) идут крупномасштабные карты наиболее важных для кораблестроения лесных участков (№№ 1 – 16, 18, 20, 22 – 50), выполненные в масштабе 1: 25400. Большой интерес представляют изображения планов и экспликации (л. 43) тех дубовых рощ, которые возникли из посеянных желудей. В

частности, под № 9 изображен план такой рощи «в Свияжском уезде близ села Архангельского (Тогаево тож)», где в экспликации говорится: «По ведомостям Казанской адмиралтейской конторы и от форшмейстера Селиванова показано посеяно желудей в 751 году (возможно речь идет о 1731 г. – В.Г.) пол трети четверти из которых вышло из земли дубов – 3000;

по нынешнему свидетельству оказалось – 7182

итого против ведомости явилось излишних – 4182

в окружении около оных – 233 сажень

земли под оными – 1599 кв. сажень,

расстоянием от реки Волги – 5 верст 470 сажень».

Под № 10 изображен план такой же рощи «близ деревни Б. Собачкиной Кокшайского уезду по ведомости Казанской адмиралтейской конторы и от форшмейстера Селиванова посеяно желудей в 731 году три четверти из которых вышло молодых дубов – 1500

Да пересажено в 735 году в Чебоксарском и Кокшайском уездах молодых дубков – 248, а только именно во оном месте того не значится, а от форшмейстера Селиванова посеяно желудей в том же 731 году – 3500

Да пересажено в 735 году из натурально растущих – 248

По нынешнему свидетельству оказалось и с пересаженными – 5036

Итак против ведомости явилось излишних – 1288, кои как видно не все от посеву, но сами собою растущие и состоящие в великой чаще

Между оных натуральных растений – 246

В окружении около них – 1 верста 48 сажень

Земли под оными – 3 десятины 1267 кв. сажень

Оные дубки растут от реки Волги 3 версты 250 сажень».

Здесь же изображены планы таких же посадок под №№ 35-36, с экспликацией «пересаженным из натурально растущих молодым дубкам, состоящих в Чебоксарском уезду близ деревни Чандоревой».

Посадки дубовых рощ стали активно производиться то время, поскольку многие леса оказались истребленными. В частности, еще в 1727 г. капитан-командор Козлов доносил в Адмиралтейскую коллегию: «Корабельные дубовые леса, которые по

обыску клеймены от Симбирска вверх по Волге и по прочим рекам до Нижегородского уезду расстоянием на 480 верст в длину, а в стороны на 50 верст и больше, вывелись и в предальные надежды иметь неможно ...». Правительство, обеспокоенное положением дел созвало специальное совещание Адмиралтейской коллегии, где решили использовать для строительства кораблей не только дуб и сосну, но и ель: «по общему с корабельными мастерами рассуждению за умалением дубового леса употреблять в строение кораблей от нижних до 50 ранга еловые книси, и обшивать у тех кораблей и галер в тех местах, кои будут под водою сосновыми досками» (выделено мною – В.Г.).

Свечинская экспедиция оказала еще одну весьма важную услугу для истории - с помощью камеры-обскуры Свечиным были запечатлены виды многих провинциальных российских городов (35). Впоследствии эти рисунки легли в основу серии гравюр известного петербургского художника и гравера М. Махаева. А кроме того, благодаря некоторым сотрудникам свечинской экспедиции появились одни из первых подробных отечественных карт Волги.

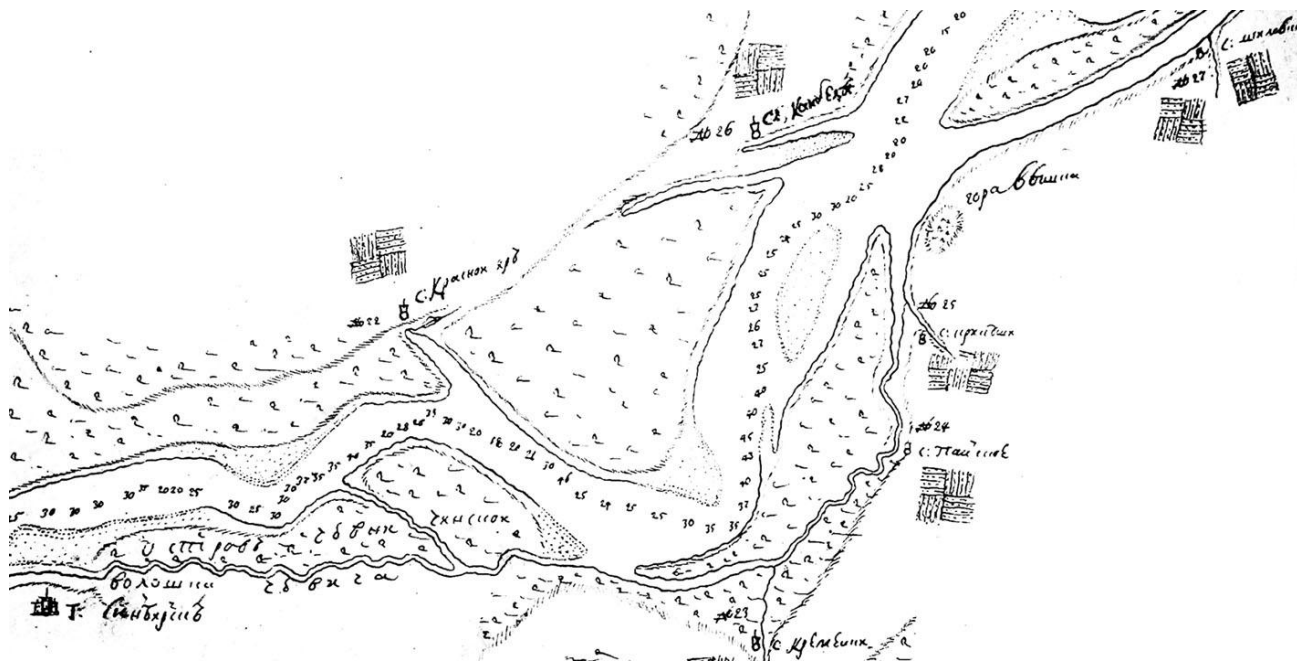
В Российском государственном архиве ВМФ хранятся карты и атлас реки Волги (39 планов) «от города Твери вниз по течения ея до города Астрахани и от Астрахани проливом до Каспийского моря или до острова 4-х бугорного с положением всех городов и деревень по обе стороны Волги, лежащих». Это комплект крупномасштабных (верстовых) цветных карт, выполненных с большой тщательностью, с подробными отметками глубины фарватера Волги. В поисках автора этих карт мы опять возвращаемся к свечинской экспедиции.

1765 г. августа 25 дня в протоколе Адмиралтейской коллегии записано:

«Оная коллегия приказали в Казанскую адмиралтейскую контору с нарочным послать указ – велеть для непременно надобного сведения с получением оного указу нимало не мешкав, ис посланных для описи лесов штурманов или подштурманов, одного исправного, а ежели за получками оных в скором времени получить невозможно, то по необходимости из находящихся в Казане кого надлежит к тому способного, отправить на пристойном судне по реке Волге до Астрахани. И велеть оному состояние той реки, и где есть по объявлению жителей банки смеряв те мелкие места ... и какие по скаскам жителей же имеются по берегам той Волги реки жилища чьи именно и сколь велики и на каком между ими хотя примерно расстоянии ... и по окончании все то прислать в коллегия с нарочным без замедления» (36).

«1766 года февраля 3 дня в государственной Адмиралтейской коллегии Морского корабельного флота штурман Василий Киприянов (36) сказал, что в прошлом [1]763-м году августа 8 числа, по указу коллегии командирован я с протчими для описи в Казанской, Оренбургской и Нижегородской губернея заповедных дубовых лесов, в числе шести человек штурманов и подштурманов. И по прибытии в Казань того ж года сентября ... по указу Казанской конторы определен с ноября месяца к полковнику Свечину для сочинения подчищенных дубовых рощ и протчих лесам планов.

В 1764 году во оной же команде находился с показаниями полковника Свечина у описи тем же рощем в Свияжской провинции марта по 10-е число 1765 года, а с того времени был при Казанской адмиралтейской конторе для сочинения тем рощам планов же мая по 11 число, а того числа командирован геодезии с капитаном Кушниковым для описи в той же Свияжской провинции заповедных лесов и были там с сентября по 10-е число. И описано нами Свияжской, Чебоксарской и Цивильской, Кузьмодемьянский и Кокшайский уезды. А того сентября 10 числа по указу коллегии командирования для описи и обмеру реки Волги, которой опись промер и с картами учинена и с тем от Казанской адмиралтейской конторы и отправлен в Санкт-Петербург, а протчие штурманы и подштурманы и поныне находятся при той описи. Штурман Василий Киприянов» (37).

Карта реки Волги 1765 г.

Основная задача, с какой был послан штурман именно в это время, становится ясной из последующих событий. В 1767 г. планировался выезд императрицы по главной реке Империи, а потому надо было в срочном порядке узнать, что же представляют собой и сама река, и люди, живущие по ее берегам. Именно поэтому и возникло предписание незамедлительно выделить специалиста из команды полковника Свечина, которая уже несколько лет занималась описанием лесов в Поволжье, хотя там каждый специалист был чрезвычайно важен.

Именно то обстоятельство, что эти и многие другие документы возникли не с научными, а с узко практическими целями, привело к тому, что они не были введены в научный оборот и благополучно “утонули” в глубинах архивов. Между тем, они представляют несомненный интерес как для современной истории науки, так и для восстановления истории освоения природных богатств великой реки в период, предшествовавший систематическим научным исследованиям данного региона.

Очевидно, что наука, в отличие от иных форм человеческой деятельности может строиться лишь на основе того опыта, который был получен предшествующими

поколениями. В то же время, даже на небольших примерах из истории картографии отдельного региона видно, что на ход развития исследований российской науки почти всегда влияли какие-то внешние по отношению к науке факторы. Но в таком случае усилия одного поколения ученых, не включенные в общее информационное пространство науки, далеко не всегда доходят до последующих исследователей. По этому поводу вспоминается реплика К. М. Бэра, когда на вопрос министра народного просвещения И. Д. Делянова о том что его больше всего удивило во время путешествий по России, он ответил, что в России «только сеют, а жатвы не собирают» (38). Остается надеяться, что эта ситуация изменится когда-нибудь, в будущем.

Примечания:

1. Генерал-майор А.И. Менде (1800 – 1868) руководил топографическими съемками на большей части территории Европейской России в течение 1848 – 1866 гг. При этом Тверская, Рязанская, Тамбовская и Владимирская губернии были закартографированы в масштабе 1 верста в дюйме, Ярославская – 2 версты в дюйме, Симбирская и Нижегородская – 3 версты в дюйме, Пензенская губерния – в масштабе 8 верст в дюйме. См. об этом: Н. Овощанова-Соколовская З.К. Картографические и геодезические работы в России в XIX - начале XX вв. М., 1967. С. 44; Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989. Интересны подробности проведения топографических съемок, которые осуществлялись по методу триангуляции, когда измерение производилось через сеть тригонометрических пунктов, создаваемых через каждые 10 верст. Кроме этого, планировалось создание «астропунктов», т.е. точек, в которых координаты измерялись исключительно по звездам – во всех уездных центрах, а также через каждые 50 верст. В «Наставлении для производства полевых работ по составлению атласа России», составленном А.И. Менде, предписывалось наносить: «улицы в селениях, огороды, кладбища, отдельные курганы, мельницы ... почтовые станции, перевозы, мосты, мостики, броды, бичевники, отдельно стоящие трактиры, часовни. Церкви, число дворов должно быть означено, а господские усадьбы подписаны сельцо». См.: Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989. С.152. Кроме этого, обращает на себя внимание тот факт, что топографические съемки под руководством Менде задумывались как комплексное исследование, где в качестве самостоятельной задачи планировалось проведение статистических описаний населенных пунктов указанных территорий. В частности, результатом такого кропотливого исследования территории Симбирской губернии явилась известная книга полковника Липинского «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния». (СПб., 1868).

2. См. подробно об этом: Постников А.В. К истории изучения и картографирования реки Волги в период до 1917 года // Источники по истории изучения природных ресурсов бассейна реки Волги. М., 2001. С. 26-48.

3. Relation du voyage d'Adam Olearius en Moscovie, Tartarie et Perse. T. 1. A Paris. MDCLII.

4. Артиллерийский инженер-капитан Эрик Пальмквист (1650–1676) входил в состав шведского посольства в 1673– 1674 гг., выполняя функции военного атташе. После возвращения из России им были составлены «Несколько замечаний о России, ее дорогах, укреплениях и границах», касающиеся прежде всего организации военного дела: Palmquist E. Nagre widh Sidste Kongl: Ambassaden till Tzaren Muscou giorde observationer ofwer Russlandh. Stockholm, 1674 [1898]. На русском языке были переведены лишь некоторые отрывки: Шубинский С.Н. Шведское посольство в России в 1674 г.: извлечения из дневника военного агента Э. Пальмквиста // Исторический вестник. 1882. Т. 7. №. 3; Готье Ю.В. Известие Пальмквиста о России // Археологические известия и заметки. 1899. № 3, 4.

5. Witsen, Nicolaas. Nieuwe lantkaarte van het noorder en ooster deel van Asia en Europe strekkende van Nova Zemla tot China. [n. p.] 1687.

6. См. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.192. Оп.1. Д. 7. На копии этой карты, хранящейся в БАН есть надписи на французском: « Carte de la marche de l'armee russe vers Asow, sur la quelle on trouve les rivieres d'Occa, Wolga, le Don». На обороте: « Carte de la mer Noir pres d'Asow». На карте обозначена Белгородско-Симбирская засечная черта, по которой идут крепости: Саранск, Керенск, Тамбов, Козлов. На Дону – русские опорные пункты Воронеж и Донков. Тремя линиями показаны три пути; 1) Валуйки – Черкасский городок, 2) Тамбов – Дон, 3) Тамбов – Царицын. Имеются надписи «от Царицына до Паншина 50 верст», «от Царицына до Дона, степью ходу до Черкасского – 10 дней» и др. Александров Б.В. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР // Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.-Л., 1946. с.348.

7. Будные станы – т.е. места где сжигали лес (в специальных печах или ямах) для получения затем из золы поташа.

8. РГАДА Ф.192. Оп.1. Д. 2, ч.1.

9. РГАДА Ф.192. Оп.1, Д. 3.

10. Пекарский П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб, 1862. С.314-315.

11. «Из вотчин Савина монастыря Сторожевского в Казанском уезде Надеинское Усолье с селы и з деревнями да из вотчин Новоспасского монастыря... со крестьяны, и з бобыли и с пашнею, с лесы, и с санными покосы, и с солеными варницами, и с рыбными ловли, и с мельницы, и со всякими заводы... в вечное владение ему и жене ево и детям безденежно... и те вотчины за ним за светлейшим римскаго и российскаго государств князем Александром Даниловичем Меншиковым из монастырскаго Приказа отказаны». РГАДА. Ф. 248. Кн.105. Л.267 – 286.

12. Дело о присылке в Санкт Петербург раковин и речных камней из Поволжья: «В нынешнем (1)717 году генваря 30 дня в Указе великого государя, присланного из канцелярии Правительственного Сената в Казань писано велено по требованию светлейшего римского и российского государств князя ... А.Д. Меншикова для пробы раковин и камышков разноцветных всех рек ... привязать к ним ерлыки со описанием, прислать в Санкт Петербург к нему светлейшему князю». РГАДА. Ф.248. Кн.104. Л.187.

13. Там же. Л. 189.

14. Хабаков А.В. Очерки по истории геологоразведочных знаний в России. Ч.1. М.,1950. С. 56. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб.,1769. Предисловие.

15. Свенске К. Материалы для истории составления Атласа Российской Империи, изданного Императорскою Академиею Наук в 1745 году // Записки Императорской Академии Наук. Приложение к IX тому. № 2. Спб., 1866. С. 62.

16. Александров Б.В. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР // Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.-Л., 1946. с. 324-325. Хотелось бы отметить, что Александров погиб в январе 1942 г. в Ленинграде, так же как и Вера Федоровна Гнучева ушла из жизни после длительного пребывания в осажденном Ленинграде.

17. Сосновка – ныне затопленное село, располагавшееся на левом берегу Волги в нескольких километрах выше Симбирска.

18. В современной описи (основной) стоит под № 521. На обороте XXXI. Портфель № 4 (карандаш. 5). № 3660/521.

19. В современной описи она числится под № 522. Указаны Саратов, Самара, Симбирск, Петровск, Сурск (Сурский острог) и др. «Копировал студент Семен Стариков апреля 1741 г». На обороте – (546) №3664/522. XXXI. Портфель № 2.

20. Татищев В.Н. Записки. Письма 1717 – 1750 гг. М., 1990.С. 261 – 262. 21. В современном каталоге эта карта значится в основной описи под № 126.

22. В современном каталоге – № 127.

23. ГАУО. Ф. 928. Оп.7. Д.1.

24. ГАУО. Ф. 928. Оп.7. Д.3.

25. ГАУО. Ф. 928. Оп.7. Д.4.

26. Так, например, «Дневные записки» И. Лепехина последний раз были изданы в 1821 г.: «Полное собрание ученых путешествий. СПб, 1821.т. и II.

27. Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций АН в XVIII и XIX веках //Труды Архива АН СССР, вып.4. М.-Л., 1940. С. 72-73.

28. Об экспедиции Свечина см.: Гнучева В.Ф. Материалы для истории ... С. 93-95; а также, А.Н. Зерцалов. Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашпира во второй половине XVIII века. Симбирск, 1896; Свечин А.А. Описание развалин г. Болгара в 1765 году. Казань, 1898 (Отд. отт. из Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XIV, вып.5); Гуркин В.А.

Симбирская черта. М.- Ульяновск, 2000. С.145-154. А также материалы свечинской экспедиции в «Делах Сената» (РГАДА Ф. 248. Кн. 3419, ч.1-2) и в СПб филиале Архива АН (материалы экспедиции Свечина) Ф.3. Оп.10. Д.140.

29. РГАДА. Ф.248. Кн.3419.

30. РГАДА. Ф.248. Кн.3419. Л.753.

31. Там же.

32. Там же.

33. «Генеральный Атлас, сочиненной из имеющихся при Адмиралтействе чертежной разных годов описей всякого рода лесам 1782 года». В атласе представлены карты лесов: Петербургской, Выборгской, Ревельской, Рижской, Новгородской, Смоленской, Белгородской, Киевской, Архангельской, Казанской, Нижегородской, Московской, Воронежской и Оренбургской губерний. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Эрмитажное собрание. № 610.

34. Там же. Л. 34 – 43.

35. РГАДА. Ф.248. Д. 588, л.258.

36. Казань, Владимир, Свияжск, Симбирск, Кокшайск, Мензелинск, Чебоксар, Пенза, Саранск, Сызрань, Старошешминск, Кашпир. СПб филиал Архива РАН, Ф. 3, оп. 1, № 290, лл. 288-290. РГА ВМФ. Ф.1331. Оп.4. Д.749, Д.543. РГА ВМФ. Ф.212. 1765 г. Д.9 «Наряд о описании реки Волги и впадавших в купе рек и берегов, и о присылке в коллегию карты 1765 году». Л.1.

37. В 1768 – 1771 годах он записан в качестве штурмана с жалованием в 138 рублей в составе экспедиции Хр.Л. Эйлера. Можно предположить, что Василий Киприянов приходится сыном Василия Васильевича Киприянова – гравера и издателя, работавшего в Москве в середине столетия и внуком геодезиста Василия Осиповича Киприянова. РГА ВМФ. Ф.212. 1765 г. Д.9. Л.32.

38. Э.Л.Радлов. Очерки истории русской философии. Цит. по: Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии / Сост., вст. ст., прим. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. - Свердловск, УГУ, 1991. С. 100 - 101. Эти слова перекликаются с евангельскими «жатвы много, а делателей мало»